

Синявинские высоты

Выполнил:

студент группы ИВ-15-1
Романюта Р.А.

Руководитель:

преподаватель
Калиганова М.Е.

Санкт-Петербург
2016 г.

Пули, которые посланы мной,
не возвращаются из полета,
Очереди пулемета
режут под корень траву.
Я сплю,
положив голову
на синявинские болота,
А ноги мои упрутся
в Ладогу и Неву.

Очень часто нам, нынешним 16-ти — 18-тилетним, приходится слышать:

«Мы такими не были, вам все досталось легко, вы войны не видели»,
«Нынешняя молодежь, не в пример нам, прагматична. Она исчисляет цену воинской жизни и смерти трезво, на основе фактов, а не эмоций». Сложно спорить с такими словами, и мы, как правило, отмалчиваемся. Многое верно - да, мы не знали войны, да, мы предпочитаем опираться на факты. С детских лет мы слышим рассказы о войне, нас учат уважать ветеранов. И мы начинаем воспринимать все это как нечто обыденное, само собой разумеющееся.

Но в какой-то момент ты вдруг сталкиваешься с фразой или фактом, который сразу меняет все твои представления. Для меня такой «отправной точкой» стала запись в дневнике сержанта 1067-го стрелкового полка, на которую я натолкнулся при подготовке доклада по истории о боях на Синявинских высотах:

«18 августа.

С 14-го числа не спал. Сидим в тех же ямах. Новую пушку закопали глубже прежней, и пока она цела. День назад прилетел из тыла наш снаряд и взорвался в пяти шагах от нас. Хорошо, что были в яме... Снаряд выворотил из земли покойника, еще свежего. Сегодня он греется на солнышке и пахнет. Здесь в земле целые наслоения. На глубине полутора-двух метров можно найти патроны, оружие, одежду, старые валенки. Все взмешано... Впереди, на нейтральной полосе, штук сорок танков. Одни рыжие, сгоревшие. Другие еще целые, но неподвижные — их расстреливают немцы из тяжелых мортир. Перелет — недолет, опять перелет. Трах! Многотонный танк разлетается в куски. Каково танкисту! Ведь он не имеет права покинуть подбитой машины... Один танк стоит близко от нас, передом к нашим траншеям. Он возвращался из атаки, когда был подбит. Вокруг башни его намотаны человеческие внутренности — остатки десанта, ехавшего на нем в атаку. Снаряды, предназначенные немцами для этого танка, летят в нас. Глубже вжимаемся в землю...

От дивизии нашей давно остался один номер, повара, старшины, да мы, около пушки. Скоро и наш черед. Каша опять с осколками: когда подносчик пищи ползет, термос на его спине пробивает... Гимнастерка и штаны стали

как из толстого картона: заскорузли от крови и грязи. На коленях и локтях — дыры до голого тела, проползал. Каску бросил, их тут мало кто носит, но зато много валяется повсюду. Этот предмет солдатского туалета используется совсем не по назначению. В каску обычно гадим, затем выбрасываем ее за бруствер траншеи, а взрывная волна швыряет все обратно, нам на головы... Покойник нестерпимо воняет. Их много здесь кругом, старых и новых. Одни высохли до черноты, головы, как у мумий, со сверкающими зубами. Другие распухли, словно готовы лопнуть. Некоторые неопытные солдаты рыли себе укрытия в песчаных стенках траншеи, и земля, обвалившись от близкого взрыва, придавила их. Так они и лежат, свернувшись калачиком, будто спят под толстым слоем песка. Картина, напоминающая могилу в разрезе. В траншее тут и там торчат части втоптаных в глину тел; где спина, где сплющенное лицо, где кисть руки, коричневые, под цвет земли. Ходим прямо по ним... ».

А затем я прочитал статью публициста, историка Льва Яковлевича Лурье, и меня буквально потрясли его слова: «...весь ужас этих боев заключается именно в том, что там полегли абсолютно простые люди, как мы с вами. Их выхватили из мирной жизни и повезли умирать за освобождение города Ленинграда. ... Многие из погибших тогда людей до сих пор остаются анонимными. Там полегли те, кого мы называем цветом русской нации, то есть здоровые люди в возрасте до сорока лет».

Местом прорыва блокады Ленинграда в августе 1942 г. был избран так называемый шлиссельбургско-синявинский выступ, образовавшийся в результате выхода немецких войск к южному побережью Ладожского озера в сентябре 1941 г. Волховский и Ленинградский фронты в августе 1942 г. разделяло лишь 16-километровое пространство, занятое и укрепленное противником. Казалось, достаточно одного сильного удара - и блокада будет снята. Эти соображения и легли в основу замысла Синявинской фронтовой наступательной операции. Утром 27 августа 1942 г. после двухчасовой артиллерийской подготовки, завершившейся залпом гвардейских минометов, соединения 8-й армии генерала Ф.Старикова перешли в наступление. Советским войскам на этом участке фронта противостояли 223-я и 227-я германские пехотные дивизии 26-го армейского корпуса. Большой объем подготовительных мероприятий обеспечил первоначальный успех операции. Несколько десятков артиллерийских полков Волховского фронта сокрушили фортификационные сооружения немцев. На направлении главного удара сходу была форсирована река Черная. 366-й германский пехотный полк удалось отрезать от основных сил 227-й дивизии. К исходу второго дня наступления соединения 8-й армии подошли к поселку и железнодорожной станции Синявино. Однако на третий день продвижение вперед замедлилось. Первый эшелон прорвал вражескую оборону на фронте в пять километров и углубился в боевые порядки противника на расстояние до семи километров. Но на этом инерция, приданная наступающей пехоте мощной артиллерийской подготовкой, закончилась. На пятые сутки возможности первого эшелона истощились. Этот момент командование фронтом сочло

подходящим для ввода в сражение второго эшелона - 4-го гвардейского стрелкового корпуса. Требовалось срочно передислоцировать в боевые порядки наступающей пехоты и артиллерию, особенно крупных калибров. Однако, как свидетельствует Мерецков, "развертывание... проходило в трудных условиях. Бойцы преодолевали обширные Синявинские болота, в ходе боя прокладывали дороги и одновременно отражали атаки противника. Ввод корпуса в сражение не был должным образом обеспечен артиллерийским огнем и авиацией... Непорядки допускались и в вопросах управления, которое то и дело нарушалось".

Немцы, осознав возможные последствия мощного удара советских войск, который мог завершиться прорывом блокады Ленинграда, начали срочно перебрасывать на угрожаемые участки фронта подкрепления. Уже 29 августа западнее Келколово появились подразделения 170-й пехотной дивизии, только что прибывшие из Крыма. На станции Мга срочно разгружались 24-я и 132-я пехотные дивизии 30-го армейского корпуса. Это была своего рода немецкая гвардия: части, недавно штурмом взявшие Севастополь, отличались исключительно высоким боевым духом, слаженностью и умением воевать.

Вскоре советские войска начали терпеть первые неудачи 4 сентября Манштейн, только что прибывший под Ленинград, получил приказ Гитлера взять на себя командование этим участком фронта и восстановить положение. Фюрер был весьма обеспокоен обстановкой, складывающейся в полосе обороны 18-й германской армии группы армий "Север". Уже на следующий день на ходе развития событий в районе Синявино сказалась высокая оперативно-тактическая подготовка нового немецкого командующего и его умение руководить войсками в сложной обстановке - немцы добились крупного тактического успеха, окружив и уничтожив головную часть вбитого в их оборону клина советских войск.

В этой обстановке военный совет Волховского фронта решил ввести в бой третий эшелон - 6-й гвардейский стрелковый корпус и 2-ю ударную армию. Одновременно 8 сентября в районе Невской Дубровки и деревни Анненское встречный удар силами до восьми стрелковых дивизий нанесла Невская оперативная группа Ленинградского фронта. Форсирование Невы - полноводной реки с быстрым течением - разворачивалось необычайно трудно. Вскоре наступающие дивизии лишились почти всех переправочных средств. Подразделения, которым все же удавалось пересечь Неву, как правило, сбрасывались противником в воду. Тем не менее в районе деревни Анненское благодаря героизму наступающих войск был захвачен крошечный плацдарм в 1 км по фронту и 300 м глубиной. Несколько более удачными были действия войск Ленфронта в районе Невской Дубровки, где удалось вернуть ранее утраченный в ходе весеннего ледохода 1942 г. "окаянный Невский пятачок". Однако 29 сентября немцам все же удалось сбросить советские войска в Неву в районе Анненское. Небольшой плацдарм в районе Невской Дубровки путем неимоверных усилий воинам-ленинградцам удалось отстоять. Между тем на Волховском фронте вторые эшелоны и 2-я

ударная армия вводилась в бой по частям и с запозданием. Это затянуло развитие операции, а противник получил возможность усилить свои войска. Все советские атаки, сила которых с каждым днем становилась все слабее и слабее, были отражены. Немцы, завершив перегруппировку прибывших дивизий, 21 сентября начали контрнаступление с самыми решительными целями. Удары наносились с севера и юга, чтобы отрезать вклинившиеся войска Волховского фронта прямо у основания клина, а затем рассечь и уничтожить окруженные группировки советских войск по частям.

22 сентября 132-я германская пехотная дивизия взяла штурмом деревню Тортолово. 25 сентября южная группа немецких войск врывается в Гайтолово, тем самым советские части окончательно отрезаются от основных сил Волховского фронта. В последующие дни немцами были успешно отражены сильные атаки войск генерала Мерецкова с востока. Одновременно немцы приступили к ликвидации окруженных советских частей.

"...всякая попытка с немецкой стороны покончить с противником атаками пехоты повела бы к огромным человеческим жертвам. В связи с этим штаб армии подтянул... мощную артиллерию, которая начала вести по котлу непрерывный огонь, дополнявшийся все новыми воздушными атаками. Благодаря этому огню лесной район в несколько дней был превращен в поле, изрытое воронками, на котором виднелись лишь остатки стволов когда-то гордых деревьев-великанов" – писал в своих мемуарах Манштейн.

30 сентября окруженные советские части предпринимают последнюю попытку прорвать окружение. После отражения этих атак немцы окончательно сжимают клещи и соединяются на берегах реки Черная. Тем не менее отдельные группы советских войск все еще держатся в труднодоступной болотистой местности. До 2 октября эта территория немцами прочесывается, и остаточные группы подразделений Волховского фронта окончательно ликвидируются. Попытки выручить своих окруженцев советской стороной предпринимались вплоть до 1 октября, однако все они закончились безуспешно.

Собственные потери в личном составе в ходе его штаб группы армий "Север" оценивал как тяжелые. С 28 августа по 30 сентября 1942 г. они составили: 671 офицер и 25 265 унтер-офицеров и рядовых. Из этого числа 172 офицера и 4721 солдат были убиты. Наиболее значительный урон понесли штурмовые подразделения пехоты и военно-инженерные части.

По данным штаба Волховского фронта, безвозвратные потери его войск составили 40 085, а санитарные потери - 73 589 красноармейцев и командиров, всего - 113 674 человека. И это без учета весьма чувствительного урона, понесенного Ленинградским фронтом в ходе форсирования Невы и захвата плацдармов в районе Дубровки и Анненского...

По всем количественным показателям Волховский фронт имел значительный перевес над противостоящими ему германскими войсками. Предназначенные для наступления соединения обладали более чем трехкратным превосходством над врагом в живой силе, четырехкратным - в танках, двукратным - в артиллерии и минометах. К беде волховчан привели

следующие причины: несоответствие, неплохого с точки зрения оперативного искусства замысла проведения операции времени года, условиям местности и степени подготовленности войск. Однако наиболее бедственно повлияли на столь неблагоприятный для нас исход "русского Вердена" недостатки в организации разведки, управления, взаимодействия и связи.

В один из свободных дней я поехал на Синявинские высоты. Стоя у памятника погибшим, я долго размышлял о сражениях, которые здесь развернулись в годы войны и бушуют сейчас. Я думал о нас, современных, и о тех мальчишках, своих сверстниках, которые отдали жизни за Родину, за свой город и его жителей, за нас, за меня ...

Я думал о том, что каждую весну и лето здесь работают поисковые отряды — точное число воинов, погибших здесь, на Синявинских высотах, и до сих пор не найденных, не знает никто. По самым приблизительным оценкам поисковиков, необходимо найти и захоронить останки десятков тысяч советских воинов.

Я думал и о черных копателях, с поэтическим «шедевром» которых я столкнулся не так давно:

Там в каждом бруствере железные кресты
Геверы там лежат рядами стройно
Горшки с декалями невиданной красы
У кожи там сохран достойный

Неиссякает хабор весь сезон
Не счесть народу, кто прибарахлился
Проснулся я с улыбкой на лице...

(последнюю строку не привожу, т.к. использована ненормативная лексика).

Да, мы молодые. Да, мы не знали войны. Но мы разные... И я верю, что каждый из нас когда-нибудь столкнется с тем фактом, с той записью в дневнике, которая заставит его задуматься, которая перевернет его мир...